

Введение от автора-составителя

В Христа воскресшего и в бессмертие человеческой души «еллин» Л. Н. Толстой, кажется, не верил (хотя «чужая душа — потёмки»). Тем интереснее его позиция о главном событии жизни каждого человека после крещения — смерти. Прочтём сию повесть, добавляя по ходу чтения, комментарии святых Отцов из великой книги «Сокровищница духовной мудрости. Антология святоотеческой мысли». Читателю представляется возможность сравнить две позиции: Православия и утончённого атеизма Льва Николаевича по столь важному для каждого человека вопросу — вопросу о смерти.

Известно, что святые Отцы приводят читателя к Евангелию, а русская литературная классика должна приводить, в свою очередь, к Отцам. Цикл завершается. ...«Россия сосредотачивается».

В добрый путь!



...Когда тело бывает здорово, то оно склоннее бывает к возбуждению враждебных действий против Бога (прп. авва Исаия).

В большом здании судебных учреждений во время перерыва заседания по делу Мельвинских члены и прокурор сошлись в кабинете Ивана Егоровича Шебек, и зашел разговор о знаменитом красовском деле. Федор Васильевич разгорячился, доказывая неподсудность, Иван Егорович стоял на своем, Петр же Иванович, не вступив сначала в спор, не принимал в нем участия и просматривал только что поданные «Ведомости».

— Господа! — сказал он, — Иван Ильич-то умер.

— Неужели?

— Вот, читайте, — сказал он Федору Васильевичу, подавая ему свежий, пахучий еще номер.

В черном ободке было напечатано: «Прасковья Федоровна Головина с душевным прискорбием извещает родных и знакомых о кончине возлюбленного супруга своего, члена Судебной палаты, Ивана Ильича Головина, последовавшей 4-го февраля сего 1882 года. Вынос тела в пятницу, в час пополудни».

Иван Ильич был сотоварищ собравшихся господ, и все любили его. Он болел уже несколько недель; говорили, что болезнь его неизлечима. Место оставалось за ним, но было соображение о том, что в случае его смерти Алексеев может быть назначен на его место, на место же Алексеева — или Винников, или Штабель. Так что, услышав о смерти Ивана Ильича, первая мысль каждого из господ, собравшихся в кабинете, была в том, какое значение может иметь эта смерть на перемещения или повышения самих членов или их знакомых.

Жестокосердие рождается иногда от насыщения, иногда от бесчувствия, а иногда от пристрастия (прп. Иоанн Лествичник).





«Теперь, наверно, получу место Штабеля или Винникова, — подумал Федор Васильевич. — Мне это и давно обещано, а это повышение составляет для меня восемьсот рублей прибавки, кроме канцелярии».

«Надо будет попросить теперь о переводе шурина из Калуги, — подумал Петр Иванович. — Жена будет очень рада. Теперь уж нельзя будет говорить, что я никогда ничего не сделал для ее родных».

— Я так и думал, что ему не подняться, — вслух сказал Петр Иванович. — Жалко.

— Да что у него, собственно, было?

— Доктора не могли определить. То есть определяли, но различно. Когда я видел его последний раз, мне казалось, что он правится.

— А я так и не был у него с самых праздников. Все собирался.

— Что, у него было состояние?

— Кажется, что-то очень небольшое у жены. Но что-то ничтожное.

Друзей прежде опробуй испытанием, и не всех делай себе близкими, не всем вверяйся, потому что миръ полон лукавства (прп. Антоний Великий).

— Да, надо будет поехать. Ужасно далеко жили они.

— То есть от вас далеко. От вас всё далеко.

— Вот, не может мне простить, что я живу за рекой, — улыбаясь на Шебека, сказал Петр Иванович. И заговорили о дальности городских расстояний, и пошли в заседание.

...Имеющие многие заботы согрешают во многом, потому что развлечены своими делами и не служат Богу (св. Ерм).

Кроме вызванных этой смертью в каждом соображении о перемещениях и возможных изменениях по службе, могущих последовать от этой смерти, самый факт смерти близкого знакомого вызвал во всех, узнавших про нее, как всегда, **чувство радости о том, что умер он, а не я.**





Бог жалеет о смерти души, которая есть образ Его. Поэтому, кто радуется при сем, а не соболезнает, тот совершенно подобен сатане (прп. Ефрем Сирин).

«Каково, умер; а я вот нет», — подумал или почувствовал каждый. Близкие же знакомые, так называемые друзья Ивана Ильича, при этом подумали невольно и о том, что теперь им надобно исполнить очень скучные **обязанности приличия** и поехать на панихиду и к вдове с визитом соболезнования.

Если окаменело сердце твое, плачь пред Господом, чтоб источил Он на тебя озарение ведения, и не насмехайся над теми, которые с горячностью сердца вопиют на небо (прп. Ефрем Сирин).

Ближе всех были Федор Васильевич и Петр Иванович.

Петр Иванович был товарищем по училищу правоведения и считал себя обязанным Иваном Ильичом.

Передав за обедом жене известие о смерти Ивана Ильича и соображения о возможности перевода шурина в их округ, Петр Иванович, не ложась отдыхать, надел фрак и поехал к Ивану Ильичу.

У подъезда квартиры Ивана Ильича стояла карета и два извозчика. Внизу, в передней у вешалки прислонена была к стене глазетовая крышка гроба с кисточками и начищенным порошком галуном. Две дамы в черном снимали шубки. Одна, сестра Ивана Ильича, знакомая, другая — незнакомая дама. Товарищ Петра Ивановича, Шварц, сходил сверху и, с верхней ступени увидав, входившего, остановился и подмигнул ему, как бы говоря: **«Глупо распорядился Иван Ильич: то ли дело мы с вами».**

Охлаждение... сердца много имеет причин. Главные из них — самодовольство и самомнение (свт. Феофан, Затв. Вышенский).

Лицо Шварца с английскими бакенбардами и вся худая фигура во фраке имела, как всегда, изящную торжественность, и эта





торжественность, всегда противоречащая характеру игривости Шварца, здесь имела особенную соль. Так подумал Петр Иванович.

Петр Иванович пропустил вперед себя дам и медленно пошел за ними на лестницу. Шварц не стал сходить, а остановился наверху. Петр Иванович понял зачем: он, очевидно хотел сговориться, где повинтить нынче. Дамы прошли на лестницу к вдове, а Шварц, с серьезно сложенными, крепкими губами и игривым взглядом, движением бровей показал Петру Ивановичу направо, в комнату мертвеца.

Петр Иванович вошел, как всегда это бывает, с недоумением о том, что ему там надо будет делать. Одно он знал, что креститься в этих случаях никогда не мешает. Насчет того, что нужно ли при этом и кланяться, он не совсем был уверен и потому выбрал среднее: войдя в комнату, он стал креститься и немножко как будто кланяться. Насколько ему позволяли движения рук и головы, он вместе с тем оглядывал комнату. Два молодые человека, один гимназист, кажется, племянники, крестясь, выходили из комнаты. Старушка стояла неподвижно. И дама с странно поднятыми бровями что-то ей говорила шепотом. Дьячок в сюртуке, бодрый, решительный, читал что-то громко с выражением, исключаяющим всякое противоречие; буфетный мужик Герасим, пройдя перед Петром Ивановичем легкими шагами, что-то посыпал по полу. Увидав это, Петр Иванович тотчас же почувствовал легкий запах разлагающегося трупа. В последнее свое посещение Ивана Ильича Петр Иванович видел этого мужика в кабинете; он исполнял должность сиделки, и Иван Ильич особенно любил его. Петр Иванович все крестился и слегка кланялся по срединному направлению между гробом, дьячком и образами на столе в углу. Потом, когда это **движение крещения рукою** показалось ему уже слишком продолжительно, он приостановился и стал разглядывать мертвеца.

...Начертанием Честного и Животворящего Креста прогоняются демоны и многоразличные болезни; и совершается это без всяких издержек и без труда. Да и кто может исчислить похвалы святого Креста? (сщмч. Петр Дамаскин).

